

Инна Трoнина

Трoщённые долги

Инна Трoнина

Прощённые долги

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Трoнина И.

Прощённые долги / И. Трoнина — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Сентябрь 1991 года. Группировка наркоторговцев во главе с Семёном Уссером по кличке Ювелир готовит переброску крупной партии наркотиков в Санкт-Петербург. Товар предполагается поместить в цистернах с двойной обшивкой, которые прицеплены к нефтеналивному составу. Состав заминирован, и должен взорваться в случае задержания. Милицейский агент и одновременно преступный «авторитет» Филипп Готтхильф сообщает об этих планах в отдел борьбы с организованной преступностью. Поскольку осведомлённых о предстоящей операции лиц очень мало, Готтхильф отчаянно рискует и играет ва-банк. Он понимает и в то же время не может пропустить наркотики в город. В это же самое время Семён Уссер и Дмитрий Стеличек планируют операцию по выявлению изменников в своей среде. Зная, что агентурой «антимафии» руководит Андрей Озирский, они принимают решение похитить его и «выбить» имена его «источников»...

© Трoнина И.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Инна Тренина

Прощённые долги

Глава 1

В восемь часов вечера двенадцатого сентября, в четверг, с Садовой улицы на Невский проспект завернула тёмно-синяя «Тойота-лексус». Она пронизывала серые сумерки мягким молочным светом фар. Двигался лимузин почти беззвучно, выделяясь из замызганного потока дребезжащих и чихающих собратьев. Хотя скорость «Тойоты» не превышала положенной в городской черте, во всём облике машины чувствовалась сконцентрированная сила. Можно было без труда представить этот автомобиль летящим по заграничному автобану.

Такой же приятный свет, как и у фар, но только зеленоватый сиял и в салоне – просторном, украшенном коврами, снабжённом радиотелефоном, магнитофоном, транзистором и миниатюрным «видаком». Всё это великолепие помещалось за пуленепробиваемыми стёклами. Кроме молодого широколицего шофёра в куртке из серой «варёнки» и белой рубашке с галстуком, в машине находились ещё четверо пассажиров.

В центре заднего дивана развалился мужчина лет шестидесяти, в кожаном пальто, в крахмальной сорочке с расстёгнутым воротом. Он был внешне очень похож на хомяка, набившего щёки зерном. Лицо его было красным, как часто бывает у подвыпивших. Глаза светились скрытым торжеством. Руки, лежащие на коленях, обтянутых искристыми брюками, украшали два платиновых перстня. Наманикюренными пальцами мужчина скручивал в трубочку фантик от дорогой конфеты с ликёром.

Профессия остальных трёх просматривалась сразу же – они по праву считались лучшими «маврами» Питера, имели славное боевое прошлое и обладали великолепными деловыми качествами. Несмотря на джентельменское обличье, шляпы и жилетки. Вежливые манеры и добродушные лица, «мавры» давно находились в картотеках правоохранительных органов многих городов бывших союзных республик. В Петербурге же они пока ни разу не попадались.

По Невскому проспекту, мерцающему огнями фонарей и вывесок, мимо «Пассажа», автомобиль проследовал уже на маленькой скорости, и остановился напротив ресторана «Нева». С переднего сидения тут же метнулся гладко выбритый мужчина с тяжёлой челюстью и светло-серыми глазами. В мгновение ока он распахнул дверцу «Тойоты» сзади и уважительно отступил на шаг.

– Пожалуйста, прошу вас, Семён Ильич!

Лицо охранника казалось зеленоватым от света, который падал на него из салона машины. Он протянул руку, и пассажир не спеша выбрался наружу. Двое других «мавров», плотно обступив шефа, двинулись вместе с ним под арку. Из ресторана выскочил парень неопределённой внешности, с длинной шеей и маленькой головой. Он был одет в белую рубашку с галстуком и чёрные брюки. Вооружившись флаконом и тряпкой, он принялся старательно надраивать и без того сверкающий кузов «Тойоты».

Минуты через три после приезда Семёна Ильича с другого конца Садовой, от Марсова поля, прибыл тёмно-красный «БМВ» с серебристыми шторками у притемнённого заднего стекла. Паренёк с флаконом и тряпкой почтительно застыл, приветствуя нового гостя.

Точно так же, как и в первом случае, с переднего сидения сорвался тип с невыразительным, каким-то слепым лицом. Изогнувшись, он открыл дверь, выпустив охранника в чёрной рубашке, с отчётливо виднеющейся у пояса кобуры. Следом за ним вышел высокий худой блондин в «тройке» песочного цвета, с пушистыми бакенбардами и ярко-голубыми глазами.

Невыразительный тип наклонил голову:

– Прошу вас, Филипп Адольфович...

Потом он мигнул парню с тряпкой, приказывая заняться и этой машиной. Авто Готтхильфа явно нуждалось в помывке – он ехал из Песочного. Через двадцать минут на парковке по ранжиру выстроилось пять иномарок. Каждую из них следовало привести в безукоризненный вид – таков здесь был порядок.

Телохранители Готтхильфа, точно так же обезопасив патрона от возможного покушения, двинулись под арку. Но путь их лежал не в ресторан, а в трёхкомнатную, с королевской пышностью обставленную квартиру, которая называлась ещё и «третьей». У Уссера был загородный дом, апартаменты с видом на Неву и Петропавловку, но для деловых встреч он всегда выбирал именно эту «точку». Под служащих ресторана «Нева» было удобно маскировать многочисленную охрану, без которой на таких мероприятиях было не обойтись.

Сейчас в квартире горели только настенные светильники, а хрустальные люстры были погашены. Около низкого столика, вокруг которого обслуга сдвинула удобные кресла, горел антикварный торшер с шелковым абажуром цвета бордо, на витой бронзовой ноге. Сам столик украшали несколько бутылок с разнообразным спиртным, несколько видов рюмок, сигарный ящик, пепельницы и вазочки с лёгкой закуской. Здесь же, в святая святых, Семён Ильич хранил бумаги, которыми сильно интересовались на Литейном.

Телохранители остались за полированной дверью с начищенной ручкой – в специально отведённом для них помещении. В ресторан «мавров» не отпускали, потому что вполне могли там сорваться и вовремя не явиться по вызову хозяев.

Все пятеро участников сходки собрались вокруг заманчивого столика, около бюро, украшенного нэцкэ из слоновой кости. Ближе всех к Уссеру расположился Филипп Готтхильф, который уже успел раскурить сигару. За ним устроился жгучий брюнет в белом костюме и белых же модных полуботинках. Молодой человек был так красив, что касался ожившим манекеном. Особенно потрясали воображение его глаза, похожие из-за невероятно длинных ресниц на чёрные прекрасные цветы. Готтхильф, увидев его сейчас впервые, был потрясён ещё и невероятным сходством незнакомца с ментом Сашей Минцем.

Последние двое также имели весьма нестандартное обличье. Один из них, лет шестидесяти, был с коротко подстриженной, серебристо-чёрной бородой, в тёмной шапочке, напоминающей тибетейку. Другой был полный, подвижный, со смешными беленькими усиками и гораздо более тёмными волосами. На важную встречу он надел кирпичного цвета «тройку», но объёмное брюшко не влезало в жилет, и пуговицы всё время расстёгивались.

Уссер позвонил в колокольчик, и в комнату вбежала блондинка в коротком полупрозрачном платье из фиолетовой кисеи и в белом кружевном фартучке. Под тканью платья, будто в морской воде, просвечивали трусики и лифчик.

– Валерия, кофе нам – сию минуту! – приказал Уссер.

Официантка наклонила голову, чуть присела и пропала. Уссер гораздо дольше, чем того требовали приличия, смотрел ей вслед.

Потом, откашлявшись, он, на правах хозяина, открыл «сходняк». Остальные внимательно слушали, боясь пропустить даже одно слово.

– Приветствую вас, друзья, в моём скромном жилище! Думаю, что здесь вам будет удобно. Извините, привязалась простуда, я могу поперхнуться. Вы не обращайте внимания...

– Семён, зачем так официально? – низкий, прокуренный голос Готтхильфа звучал почти весело.

– Чтобы вы, дорогие гости, осознали всю важность момента. У нас есть такая пословица, – обратился Семён Ильич к бородатому старику и толстому франту с усиками, в галстук-«бабочке». – Звучит она так: «Умный учится на чужих ошибках, а дурак – на своих». Если мы не хотим выглядеть дураками в глазах тех, кто доверил нам ответственную миссию, давайте-ка вспомним именно чужие ошибки. Я уже решил нанять людей и создать некое подобие энцик-

лопедии. Там, в хронологическом порядке, будут расположены сведения об операциях, которые проводились нашими коллегами – и в России, и за рубежом. После описания каждого мероприятия будут анализироваться допущенные промахи, но также отмечаться и достоинства. Получилось бы неплохое пособие не только для начинающих, но и для людей со стажем. Наливайте себе, что пожелаете, господа! – Уссер сделал широкий жест рукой. Сам он, как и Филипп, обрезал кончик сигары и стал её раскуривать.

В это время вошла Валерия с подносом, на котором стояли пять чашечек и кипящий кофейник. Налив каждому гостю по чашечке, девушка подвезла поближе столик, уставленный вазами с фруктами.

– Свободна! – махнул рукой Семён Ильич, и официантка исчезла. – Вы не только не стесняйтесь, господа! Угощайтесь, не дожидаясь, пока я предложу. Я знаю, что господин Хаким спиртного не пьёт, зато очень любит кофе по-турецки...

– Да, это так, – подтвердил суровый старик, которому очень не понравились вольности с Валерией.

– Пан Уссер, давайте поговорим о деле, а угощение отложим на потом! – предложил толстяк с беленькими усиками. – Мы уже по достоинству оценили ваше гостеприимство. – Он выбрал в ящике сигарету «Данхилл», чиркнул зажигалкой. – В Европе и в Америке сейчас все отказываются от курения, но лично я не в силах лишиться себя ещё и этой радости...

– Простите, господин Хаким, – снова повернулся к старику Уссер. – Вы не только не пьёте, но и не курите. К сожалению, остальные подвержены этой скверной привычке. Прошу понять нас и простить.

Хаким молча сложил руки, будто в молитве, тем самым выражая свою покорность обстоятельствам.

– Лешек, вы не в Европе и не Америке, а в России, – напомнил Готтхильф. Он наслаждался букетом великолепной сигары, и потому был добр. – Здесь курение – отнюдь не самый тяжкий из известных грехов. Но вы правы в том, что нужно скорее переходить к делу. Если мы сильно увлечёмся трапезой, можем ослабить внимание, совершить нежелательные оплошности. Как раз те, о которых говорил Семён.

– Так вот, насчёт энциклопедии, – продолжал Уссер. – Я бы не пожалел денег для того, чтобы издать её типографским способом в качестве пособия для деловых людей. С помощью такого справочника мы сэкономим для себя куда большие суммы, чем те, что затратим для систематизирования накопленного опыта.

– Я – за! – немедленно поднял руку Обер.

Молодой человек с глазами-цветами слащаво улыбнулся и снова вызвал в памяти Готтхильфа образ Саши Минца.

– Я тоже. Шеф, вы хотите напомнить нам о печальном опыте Инопланетянина?

– Именно, Алик, именно! – радостно закивал Уссер.

Его мягкий блатарский говорок безжалостно напоминал собравшимся о том, что присутствуют они не на изысканном приёме в доме российского бизнесмена, а на бандитской сходке.

– То дело, ради которого мы здесь собрались, в общих чертах напоминает задачу группировки Стеличека месячной давности. Для господина Хакима я поясню. Он, видимо, не в курсе. Так вот, в августе месяце, здесь же, в Питере, была предпринята попытка передать проданную накануне партию оружия и радиотехники по назначению. Делом занимались ушлые ребята, которые долгое время не допускали ни одного промаха. Они с успехом выявляли и ликвидировали агентов милиции в своих рядах, и сама судьба к ним благоволила. К тому же подоспели августовские события, и менты занялись другими делами. Всё плыло в руки племяннику Ветали Холодаева... Слышали о таком? Он был моим другом, и Филипп его тоже отлично знал. Веталь воспитал себе достойную смену. Дочь Ада и племянник Дмитрий пошли по его стопам. Юноша был безупречен в своей интуиции, а потому мог надеяться на успех. Но

дальше, к сожалению, сказка станет печальной. Митя унаследовал от дядюшки его дьявольскую фортуна, которая потом оборачивалась не менее фантастическим провалом. Кто бы мог подумать, что Веталь умрёт в «Крестах», так и не дождавшись лепилы?..

– Печальная участь, – кивнул Лех Мациевич. – У нас его очень ценили. Он мог протащить любую партию оружия даже через игольное ушко. – А на чём попался его племянник?

Хаким молчал, смакуя кофе, но глаза его смотрели тепло, участливо. Он явно тоже много слышал о Ветале.

– Это до сих пор остаётся тайной, – сокрушённо развёл руками Уссер. – Равно как и то, каким образом легавым удалось в прошлом году выйти на Веталья. Вот потому я и завёл разговор. Хочу услышать ваше мнение. Все мы здесь – люди опытные, много в жизни повидавшие. Может, какие-то новые идеи появятся, догадки, факты. Мы затеваем такое дело, что на «авось» надеяться не можем.

– Чтобы учиться на ошибках, надо прежде всего понимать, кем, где и почему эти ошибки допущены, – заметил Мациевич.

– Безусловно! – согласился Уссер, стряхивая пепел с сигары и рассматривая её тлеющий в полутьме кончик. – Впрочем, довольно об этом! У нас мало времени. Мы должны обсудить нашу операцию, которая имеет много общего с августовской сделкой Дмитрия Стеличека. Они везли «стволы», а мы повезём «траву». Они маскировали свой груз в автобусах, а нам придётся то же самое сделать в поезде. Господин Хаким, прошу вас показать схему наливного состава!

Уссер, держа в одной руке сигару, другой расстелил листы кальки прямо на чашечках с кофе. – Смотрите сюда, Лешек! Мы с Хакимом дали распоряжение нашим людям в Нахичевани в свободное от основной работы время выполнить небольшой заказ. Они должны поставить вторую обшивку на третью, пятую, седьмую, девятую и одиннадцатую цистерны. Нумерация, как обычно, со стороны электровоза. Вот, обратите внимание... – Уссер указал сигарой на схему. – Зазор получается в пределах пяти-семи сантиметров. Туда мы загрузим предварительно переправленные через кордон пакеты с «сеном». Несмотря на малый размер зазора, как я рассчитал, туда войдёт громадное количество товара.

– Идея гениальная! – восхитился Мациевич. Он низко склонился над чертежом, покусывая усики и тяжело дыша. Крахмальный воротник рубашки давил его полную шею. – Вы уверены, что «траву» будет не обнаружить?

– Ни в чём, друг мой, нельзя быть нацело уверенным, – философски заметил Уссер. – Могу только сказать, что собака точно ничего не учует. Для того и был задействован нефтеналивной состав, чтобы обоняние у неё отшибло начисто.

– А не сохранится ли запах после того, как транспортировка будет завершена? – допытывался въедливый Лешек. – Я опасаясь, что «сено» станет вонять нефтью, и его не удастся реализовать.

– Филипп позаботится о товарном виде, качестве и запахе нашей продукции, – Уссер смотрел на своего соседа по столу с верой и надеждой. – Имея с ним дело, я ещё никогда не оставался в замазке. Филиппа я давно знаю. К тому же, он спас мне жизнь. – Семён Ильич ещё раз одарил Филиппа сияющим взглядом. Потом повернулся к Хакиму. – Цистерны готовы?

– Да, всё в порядке, – подтвердил старик в шапочке. – Ждёт груз.

По-русски он говорил совсем неплохо, но акцент всё же чувствовался. Лешек тоже периодически путал ударения, но в целом справлялся без затруднений.

– Долго ещё ждать? – В голосе Уссера послышалось нетерпение.

– Ночью отправимся. – Хаким неторопливо почесал ухо и сдвинул шапочку на лоб.

– Допустим! – Мациевич глотнул немного коньяка. – А вдруг... Понимаете, никто ведь не застрахован. Представьте, что груз обнаружен! Сразу же начнут таскать ответственных лиц, которые вели этот состав. Безопасность вашей организации окажется под угрозой. На такой случай предусмотрена маскировка?

– Само собой. Разве мы лохи? – Уссер теперь обратился к прекрасному юноше. – Алик, дай мне твои чертежи! – Семён Ильич принял ещё несколько листов кальки и положил их поверх прежних. – Смотрите, Лешек, внимательно. На второй, четвёртой, шестой, восьмой и десятой цистернах стоит пластиковая взрывчатка. Обнаружить её без чертежа или без наводки практически невозможно. Механизм действия устроен так, что если будет вскрыта верхняя обшивка тех цистерн, где находится товар, произойдёт мощнейший и абсолютно неожиданный взрыв. На огромном пространстве окажется выжжено всё – люди, деревья, дома. А о том, что в зазорах было «сено», уже некому станет рассказывать. Так что, пан Лешек, можете не переживать. Вашим товаром не воспользуется никто. Тайна будет похоронена в огне, что надёжнее всего.

– Я восхищён и одновременно испуган! – тихо признался Мациевич, водя по схеме похожим на сардельку пальцем. – Как я понимаю, получится самая заурядная для России авария с наливным составом. У нас и у вас не будет необходимости убирать свидетелей. Я буду молиться за нашу удачу.

Хаким, прикрыв глаза, перебирал костяные чётки и думал о чём-то своём. Он казался возвышенным, мудрым и отрешённым от земных дел. Готтхильф нагнулся над схемами, внимательно посмотрел на одну, потом – на другую. Его тонкогубый, злой рот повела на сторону обычная нервная судорога.

– Наше счастье, что после признания независимости Прибалтики российские власти продолжают гнать туда нефть, словно мы – одно государство, – вступил в разговор красавчик Али Мамедов, постукивая пор схемам золочёным карандашиком. – Из Азербайджана в Россию идёт нефть, и она же направляется в юридически суверенные страны практически бесплатно. Для друзей ведь ничего не жалко, правильно? Наша операция была задумана давно, ещё до августовских событий. Мы даже не предполагали, что в середине сентября Литва, где должна произошла передача груза, будет уже за границей. Но пока что нашим проектам провал не грозит – по крайней мере, с этой стороны. Впрочем, Дмитрий Стеличек тоже думал так. Он позаботился, казалось бы, обо всём. Ликвидировал малейшие щёлочки, из которых могла утечь информация...

– Но она утекла! – закончил Мациевич. – И я не уверен, что наш нынешний разговор не станет достоянием органов. А вы?

– И мы не уверены, – Уссер скрипуче рассмеялся. – Я не собираюсь пугать вас с Хакимом, но мы тут действительно сидим на бочке с порохом. Всё то, что случилось со Стеличком и его покупателями, может произойти и с нами. Например, тогда к ментам попали номера автобусов, которые только что стали известны самим участникам операции! Невероятно, но факт. Они несколько раз меняли транспорт, но всё равно не убереглись. На Литейном сумели вывести и путь следования этих автобусов, который тоже был строго конспирирован. Мои люди сбились с ног, пытаясь вычислить возможного агента, но не преуспели в этом. Кроме владикавказского опера Алима Гюлиханова, не удалось выявить никого. Кстати, я подозреваю, что агентура внедрена и в моё окружение, но ничего не могу доказать. Ни там, ни здесь никто себя обнаруживает, но факты – упрямая вещь. Мы недавно встречались с Дмитрием, обсуждали эти вопросы и договорились о совместных действиях в этом направлении. Надо сказать, что у нас происходят некоторые странности. В январе прошлого года тем же непостижимым образом оказалась сорвана переправка партии золота за рубеж, в обмен на оружие и боеприпасы. Тогда ещё был жив Веталь Холодаев, и мы работали вместе с ним. Почерк везде один и тот же, не находите? Полная конспирация – и стопроцентная осведомлённость оперативно-розыскного бюро. Если предположить, что везде действует один агент, то физически не существует такого человека, который может находиться рядом со мной и с Дмитрием. «В наш тесный круг не каждый попадал...» – это Высоцкий. Мы действуем абсолютно не зависимо друг от друга. Единственное, что нас объединяет, необходимость организовывать переброску товара без границу

и по стране. Кто ещё хочет кофе? Все? Давайте, я вам налью. – Семён Ильич снова наполнил чашечки. – Валерия очень хорошо заваривает его по-турецки. Мозги прочищает идеально.

– Это как раз нам и нужно, – заметил Али Мамедов. – Работать, зная, что за тобой следят ментовские «суки», очень сложно психологически. Надо думать, шеф, иначе потеряем всё...

– И что ты можешь предложить, Алик? – ласково просил Семён Ильич. – Мы же с тобой много об этом говорили, но так ни не пришли к согласию. Дмитрий ручается за всех. Я – тоже. А информация уходит на сторону! Кроме как чертовщиной это назвать нельзя.

– Агенты могут быть разными, и я стою на этом! – Прекрасное лицо Мамедова ещё более похорошело. – Но координатор у них один, и вы, шеф, отлично его знаете.

– Если у вас есть свои люди в органах, неужели не могут выявить канал утечки? – Мациевич опять закурил – на сей раз сигарету с ментолом. Хаким недовольно дёрнул косматой бровью, но ничего не сказал.

– К сожалению, пока не удалось, – развёл руками Уссер. – То ли Горбовский умело их маскирует, то ли ещё что... Между просим, он пошёл на повышение. Этот человек хитрый, хоть и строит из себя простачка. Ныл-ныл, скулил-скулил, а потом прыгнул через одну ступеньку и стал сразу полковником. Его заместитель Петренко получил ещё одну звезду на погоны, занял тёплое кресло. Для нас это было сильным ударом, потому что умный враг всегда хуже не очень умного. Впрочем, Алик считает, что, пока в ОРБ пересмена, можно выйти на агентурный центр. Начальники ещё не обжили кабинеты, а потому не сразу войдут в курс дела.

– Может быть, Горбовский и есть координатор? – предположил Мациевич. – Пока груз не тронулся в путь, нужно ещё раз всё проверить. Для порядка, чтобы потом совесть не мучила.

– Конечно, Захар Сысоевич в курсе деятельности агентуры, – согласился Уссер. – Но непосредственное руководство он не осуществляет. И уж, тем более, лично не вербует людей. Нужно схватиться за основное звено, которое потащит наружу всю агентурную сеть. В отличие от Гюлиханова, другие агенты в ментовке не служат, специально не внедрялись. А, значит, наши люди никак не могут их отследить. Думаю, что и Горбовский далеко не всех знает – у него просто времени на это нет. Есть человек, который создал агентурную сеть, преумножает её при каждом удобном случае, держит в руках все нити, дёргает за них. Короче, дирижирует этим оркестром. Он является посредником между руководством ОРБ и осведомителями. В том, что мы знаем его имя, нет ничего удивительного. Этот сотрудник широко известен в наших кругах, хоть и служит на Литейном. Без сомнения, он обладает массой разнообразных достоинств, но мы должны поступить с ним, как с врагом. Кстати! – Уссер, как всегда, перескочил с одной темы на другую. – Мы решили назвать операцию словом «Камикадзе». Так будет именоваться состав, который, в случае опасности, будет обречён на самоуничтожение.

– Пан Уссер, вы берёте на себя огромную ответственность! – заметил Мациевич.

Видно было, что он волнуется – зажигалка выскользнула из руки и упала на ковёр. Али Мамедов, не глядя, поднял её и протянул Леху.

– Покорнейше благодарю! – поклонился ему Мациевич. – Вы понимаете, что может быть огромное количество жертв? Поднимется страшный шум, а нам это не нужно. Вы сознательно идёте на тое варварство?

– Конечно, сознательно, Лешек! – дробно рассмеялся Уссер.

Он налил себе коньяка «Цезарь», зачмокал губами, смакуя напиток. Потом торопливо поднёс к губам кофейную чашечку.

– А что вам нужно? Разоблачение? Уголовное дело? Тут уж выбирать не приходится. – Дядюшка Мити, славный Веталь, чуть что было не по его, грозился то самолёт взорвать, то машину. Бывало, что планировал и взрыв в магазине игрушек. И, представьте, это работало! Залысив всего один раз, когда таможня перехватила золото, он не остался с носом. Наш общий друг Филипп Адольфович ссудил его нужной суммой, и всё прошло отлично. Понимаете, эшелон могут перехватить в середине пути, и я ничего не буду об этом знать. Товар изымут, а

нам доложат, когда уже будет трудно что-то предпринять. Поэтому я решил пугануть ментов именно так. Ничего, Лешек, не волнуйтесь – новые людишки народятся. Они плодovиты, как кролики. Чем примитивнее существо, тем активнее оно размножается. К тому же наступают тяжёлые времена. Говорят, что вполне реален голод этой зимой. Пусть уж по-быстрому отойдут. Чем будут долго мучиться, правда? И в семьях ртов меньше...

– Но ведь состав может и случайно взорваться! – не мог успокоиться Мациевич. – Неудачный спуск, например, или резкий толчок у светофора...

Он растерянно смотрел на Хакима, который, оставив чётки, скрестил руки на животе и удовлетворённо покачивал головой. Его, похоже, всё устраивало.

– Качество железных дорог в России ужасное, – растерянно продолжал Лешек. – Роковая случайность, а не злой умысел могут унести сотни жизней...

– Значит, судьба у них такая, – спокойно сказал Али Мамедов, потягивая коньяк. Он был прекрасен, как ангел смерти, и Мациевичу стало не по себе. – Что на роду написано, то и придёт. Не они первые, не они последние. – Многозначительный взгляд чёрных огромных глаз сказал Леху больше, чем слова.

– Да-да, вы правы! – Ему стало страшно сидеть за одним столом с этими людьми, но выбора у него не было. – Значит, наливной состав выходит со станции сегодня?

– Да, сегодня. Когда будет в Литве, никто толком не знает, – заметил Мамедов. – Я лишь могу сказать, когда он должен быть там. – Али что-то сказал на ухо Хакиму, и тот затряс головой, наконец-то приоткрыв жёлто-карие глаза с припухшими веками почечника. – Вот маршрут его движения, – Мамедов достал из своего «дипломата» листок со схемой. – Рядом с названием каждой станции указано время, когда состав должен находиться там. Вам легко будет отслеживать ход выполнения операции...

– В таком случае, я позволю себе откланяться. – Лешеку очень хотелось, чтобы его телохранители пришли поскорее. – Да! – вдруг вспомнил он. – Пан Уссер, вы так и не прояснили вопрос с возможным провалом. Если в вашей организации работает агент, я очень боюсь и за себя, и за вас, и за наших компаньонов.

– Это – наши проблемы, Лешек, – терпеливо объяснил Семён Ильич. – Предоставьте нам возможность самим разобраться с этим.

– Но почему вы тогда до сих пор этого не сделали? – сварливо парировал Мациевич. – Если он сейчас работает против нас... – Поляк торопливо вытер салфеткой губы, усы.

– Вполне возможно! – перебил Уссер. – Нельзя быть самонадеянными, даже при наличии телохранителей из «девятки», имеющих подготовку на уровне начальника смены охраны. Да что там! Прицепил микрофон под столешницу – и слушай в охотку все наши излияния! За всеми не углядишь. После провала на Пулковском шоссе, где легавые отбили один автобус с оружием, на квартиру начальника службы безопасности «базарных», Зураба Сакварелидзе, нагрянули с Литейного специалисты по скрытому наблюдению. Всю квартиру перерыли, стены просверлили, технику разобрали... Вполне возможно, что именно таким образом им и удалось узнать секретные данные. Конечно, перед нынешней встречей мои люди хорошенько всё здесь посмотрели, – торопливо заверил Семён Ильич вконец перепуганного Мациевича. – Но, говорю, ручаться ни за что нельзя. Хаким гарантирует, то поезд тронется минута в минуту. Только форс-мажорные обстоятельства могут помешать нашим планам. Так и передайте покупателям. За качество «травки» Хаким тоже отвечает головой. – Уссер повернулся к старику, и тот важно кивнул. – Кстати, даже если в ментовке пронюхают, что такой состав следует по территории Азербайджана или России, то будут долго выяснять, кому и как его задерживать. Обезвредить мины без схемы они определённо не смогут. Скорее всего, вам нечего бояться, пан Лешек. У ментовской агентуры при всех раскладах остаётся слишком мало времени. Схему минирования через «жучок» они не получают – точно. Она существует в одном экземпляре,

который хранится у меня в сейфе. – Уссер взял листы кальки до стола и спрятал в папку. – Кстати, шифр тоже знаю только я...

Али Мамедов тем временем вызвал по рации сопровождение Мациевича, и охранники тут же появились. Один из них принёс Лешку светло-серое, ещё летнее пальто на шуршащей шёлковой подкладке и шляпу тонкого жемчужного фетра.

Застегнув пуговицы, Мациевич остановился у порога.

– До встречи, пан Уссер. Благодарю за угощение. Надеюсь, что наши клиенты останутся довольны.

– Взаимно! – расцвёл Семён Ильич. Он встал, подошёл к Мациевичу и обнял его. Охранникам он небрежно пожал руки.

Филипп тоже поднялся, чтобы размяться – ему надоело сидеть на одном месте. Он долго смотрел в синевато-чёрное, туманное окно, за которым трудно было что-либо различить. Потом глаза привыкли, и Готтхильф заметил в тусклом свете фонарей пьяных посетителей ресторана, хохочущих проституток и окружённого «быками» Мациевича. Лешек вместе с охраной уселся в свой лимузин «Шевроле-корвет», который медленно тронулся с места. Вроде бы, гость остановился в «Пулковской», а, значит, путь ему предстоял не близкий.

– Мне тоже надо идти, – подал голос Хаким. Говорил он, как всегда, медленно, тягуче. – В Баку нужно лететь. Времени совсем мало. Хочу всё сам проверить...

– Не смею вас задерживать, – с готовностью ответил Уссер. – Алик, вызови охрану господина Хакима!

– Одну минуту! – И Мамедов опять взял со стола рацию.

На старика надели чёрное простое длинное пальто. Он взял прислонённую к спинке кресла трость, сверкнув золотым перстнем на узловатой, покрытой тёмными пятнышками руке. Хаким завёл глаза под лоб, пробормотал несколько слов по-арабски, внимательно взглянул на каждого из остающихся, а потом вышел.

Вид его «мальчиков» потряс даже Уссера с Готтхильфом. Каждый из них, ростом под два метра, с отсутствующим взглядом и чёрным ёжиком волос над низким лбом, напоминал мастера японской борьбы сумо. Сам Хаким больше был похож на пришедший из глубины веков призрак, чем на живого человека, и потому проводили его с громадным облегчением.

Филипп так и не отходил от окна. Он соображал, под каким бы предлогом смыться. Какая бы ни была блестящая его память, схему минирования цистерн она долго хранить не могла. Надо было поскорее оказаться в машине и зарисовать то, что удалось увидеть на кальке. Скорее всего, Уссер не будет настырно задерживать гостя у себя, потому что хочет остаться наедине с Мамедовым. Этот восточный принц, как и следовало ожидать, соблазнил племянницу Семёна Нору Келль, а, значит, фактически вошёл в их семью.

В Петербурге Хакима возила голубая «Хонда-аккорд», которая, сорвавшись с места, улетела по Невскому к Адмиралтейству. Старик хитрил – не так уж он и торопился в аэропорт; но в данном случае это не имело особого значения. В конце концов, у каждого здесь были свои тайны, за которые они щедро платили чужими жизнями. Главное было сохранить в неприкосновенности свою собственную.

– Разрешите тоже покинуть вас, Семён. Думаю, что нужды во мне у вас уже нет. Я обещал быть дома в одиннадцать. У меня проблемы – невестка суррогатом отравилась...

– Ах, вот оно что? – Уссер очень удивился. – А я думал, что Регина Рейновна ревнует. Такой завидный муж – только гляди за ним!

– Как раз этой проблемы у неё нет, хотя других – навалом! – ухмыльнулся Готтхильф.

– Она вас великодушно простит, – напроорочил Уссер. – Раз вы снова сошлись, значит, испытываете влечение друг к другу.

– Я сам себе не прощу того, что не разговаривал нормально с дочерью уже две недели...

Готтхильф был недоволен тем обстоятельством, что за рулём его автомобиля сегодня будет сидеть чужой человек, а не Тим. Тот умчался в Сестрорецк, в сороковую больницу, куда отвезли супругу Татьяну, отравившуюся метанолом. Филипп Семёну не лгал – всё действительно так и произошло. Вчера в Песочный явился какой-то мальчишка на мопеде и крикнул через забор, что тетя Таня лежит без сознания, вся холодная, и еле дышит.

Тим немедленно предположил, что жена из-за отсутствия нормального алкоголя наглоталась какой-то отравы. И вместе с сыном Генрихом на «Волге» брата поехал выручать её. Готтхильф, обругав их всех, включая брата, русскими и немецкими словами, вызвал резервного водителя из Питера. Ведь надо же постараться, при Тимкиных-то данных жениться на алкоголичке! Ладно, что сын получился не идиот, но зато хулиган и двоечник...

– Вы так дружны с дочкой? – удивился Уссер. – Обычно отцы стараются быть от детей подальше. Ей же всего тринадцать, кажется...

– Да, но Магда – замечательная девчонка! Я завтра хотел лично отвезти её в школу, поговорить по дороге. Регина закрутилась в Песочном с хозяйством, и надо помочь. Говорит, что легче целый месяц ходить с иностранцами по Эрмитажу, чем один день проработать на подворье. А ведь в Эстонии её предки были именно крестьянами, вернее, фермерами.

– Что ж, Филипп, счастливого вам пути! – искренне пожелал Уссер. – Вам бы батраков завести, а не самим ломаться...

– Нет уж, лишние люди всегда доставляют неудобства, – возразил Филипп.

– Дело ваше, – покладисто произнёс Уссер. – Я позвоню вам утром. Алик, охрану Филиппа Адольфовича сюда...

На сей раз уже Али Мамедов проследил, как в сторону Марсова поля завернул ставший в ночи чёрным «БМВ-Зет-1»...

* * *

– Ну что ж, Алик, а мы продолжим свои труды праведные. – Уссер погасил недокуренную сигару. – Кликни-ка Солодовникова и Шурдута. Кроме того, мне срочно нужен Воронин. Где бы ни был, пусть сейчас же едет сюда.

– Вас понял.

Мамедов, избавившись от гостей шефа, скинул пиджак и засучил рукава голубой рубашки, обнажил жилистые, заросшие густым волосом руки. Совсем недавно распахнутые глаза его сузились, и выражение злой сосредоточенности сменило взгляд наивного романтика. Гибкий стан Али, казалось, можно было завязать узлом.

– А ты здорово похож на одного нашего мусорка, – бросив на Мамедова косой взгляд, произнёс Уссер. – И голос точно такой же. Прямо двойня, в натуре...

– На какого мусорка? – Али вздрогнул, и лоб его заблестел от пота.

– Не бойся! – засмеялся Уссер. – Я же говорю – только похож. Иначе шиш бы я разрешил своей племяннице с тобой спать. Есть на Литейном такой Саша Минц, по кличке Каракурт. Он не родня тебе?

– Минц? – Али дёрнул заросшей губой. – Нет, шеф, у меня здесь родственников нет. Я – коренной бакинец.

– Ну, ладно... А всё-таки интересно. Вызывай ребят...

Через десять минут в гостиную, предварительно постучав, вошли два молодых человека. Один был плотный, высокий, с расчёсанными на косой пробор рыжеватыми волосами и веснушчатым лицом; одетый в кожаный пиджак и серые джинсы. Когда он остановился у накрытого столика, где шеф закусывал «Мартини» жареными орешками, из-под пиджака высунулась кожаная наплечная кобура.

Али Мамедов, отложив огрызок груши и отставив свой бокал, подошёл к нему и грубо дёрнул ремень. Кобура пропала, а парень виновато потупил глаза.

– Ты, Паша, тут не в Афганистане! – Али поднял его подбородок на кулак. – «Пушку» на пузо не вешай!

В воспитательных целях Мамедов несильно нажал костяшками пальцев на адамово яблоко Павла, но тот всё-таки закашлялся.

Другой вошедший, такой же здоровенный, только с чёрными усиками над полными губами, проверил свой внешний вид, проглотил слюну и встал по стойке «смирно». Этот был тоже в кожанке, но джинсы выбрал синие. Оба смотрели не на шефа или его фаворита, а на погашенную хрустальную люстру, подвески которой всё равно переливались.

Али усмехнулся и сел рядом с Уссером в кресло уехавшего Готтхильфа.

– Вот что, братцы! – Семён Ильич исподлобья изучал напряжённые лица ребят. – Всегда полезно поговорить с умными людьми. Мои предположения подтвердились, поэтому в эту ночь вам спать не придётся. Ничего, наверстаете в другой раз. Ляляки все в сторону, иначе будет худо. Итак!

Уссер постучал костяшками пальцев по столу. Тень скользнула по его лицу, красноватому при свете торшера.

– Сейчас у нас начало одиннадцатого. Паша, ты сию минуту звонишь на телецентр и узнаёшь, там ли Андрей Озирский. По моим сведениям, он не так давно туда приехал. Скажи, что ты из милиции, и он тебе нужен. Разумеется, не ему лично, а тому, кто снимет трубку. Если пойдут его звать, тут же исчезай. На всякий случай, расставь посты около его квартир – в Ульяновке и на Фонтанке. Он сейчас в процессе переезда – на два дома живёт. Куда двинет ночевать, я не знаю. Мать с детьми ещё не перевёз на новое место, потому что ремонт не закончен. Если он не появится ни там, ни там, кровь из носу, но узнай, куда его чёрт унёс. Озирского мы не должны сейчас терять из виду ни на минуту. Каждый шаг его будет контролироваться моими людьми. Ночью не так много народу по улицам шляется, так что особого труда это не составит...

Уссер немного помолчал, отпил ещё вермута, чтобы промочить пересохшее горло. Трое его слушателей почтительно молчали.

– Паша, плёнки не жалеи. Фотографируй каждого, кто покажется тебе подозрительным. Андрей может сперва войти к себе в дом, а потом выйти. В таком разе сейчас же садитесь к нему на хвост и не отпускайте, пусть хоть конец света будет. Я тебе всех своих людей отдаю на эту ночь.

– Понятно, шеф! – Парни одновременно наклонили головы.

– Мне нужно узнать, с кем встретится Озирский сегодняшней ночью. Поэтому вы оба его ищите, роите носами землю, блюйте юшкой, но чтобы всё было в порядке! По рации держите связь с Али. Вопросы есть?

– Нет! – гаркнули в две глотки бравые ребята.

– Тогда приступайте! – Уссер махнул рукой в сторону окна. – По пустякам нас не беспокойте, но и не забывайте свой шесток. И притом надо, чтобы Озирский – ни сном, ни духом... Свободны.

Когда Шурдуд и Солодовников ушли, Семён Ильич закашлялся и сплюнул в платок. Али услужливо подал ему высокий тонкостенный стакан с водой.

– Вот базака-то, Алик, а делать нечего! Благодарю. – Уссер отдал Мамедову пустой стакан. – Воронина нашли?

– Скоро будет. – Али сел в низкое кресло и вытянул вперёд длинные ноги. – Повезло, что удалось его застать. Это не всегда получается.

– Его хаза где? – Уссер достал из кармана маленькую бутылочку, открыл её и понюхал.

– У Володарского моста, на улице Бабушкина. Двухкомнатная «сталинка», съёмная. Надо куда-то баб водить, если к ним нельзя...

– Конечно, – согласился Уссер. – «Тачка» у Воронина какая?

– Наша «Волга» двадцать один ноль девяносто девять. Неплохо для начала.

В дверь постучали – энергично и вместе с тем корректно. В охраняемой квартире были только свои, многократно проверенные, и потому Уссер с Мамедовым даже не вздрогнули.

– Заходи! – крикнул Семён Ильич и снова раскашлялся.

Дверь тихо скрипнула, и в комнату ступил Игорь Воронин, о котором они только что говорили. Высокий, белокожий, с точёным носом и маленьким ртом, с копной волос цвета спелой ржи, он как нельзя лучше соответствовал своей роли в труппе Уссера.

– Садись, Игорёк, закуривай. Выпить не предлагаю – тебе всю ночь работать. Быстро ты доехал – я не ожидал.

– «Коку» ему, наверное, можно, – пожалел Воронина Мамедов. – А то нехорошо получается. Сидит человек у накрытого стола и ничего не пьёт...

Воронин, в отличие от других, достоинства не терял, подобострастия не демонстрировал. Открыв сигарный ящик, он выбрал себе «Мальборо» и наклонился к зажигалке Али.

На звон колокольчика вошла усталая Валерия и через две минуты принесла «кока-колу». Игорь моментально открыл банку и разом всё выпил – видимо, у него тоже пересохло в горле. Уссер смотрел на него и думал, что перед таким молодым человеком не устоит ни одна современная девица. Его высоковольтный поцелуй пережигает любые женские предохранители. Кроме того, в лице Воронина преступный мир приобрёл столько же, сколько потеряла сцена, и Семён сам откровенно наслаждался его игрой.

– Али приказал явиться срочно, – пожал плечами Воронин. – Серьёзное дело намечается?

– Серьёзнее некуда, – подтвердил его догадку Уссер. – Ты должен как можно скорее встретиться со своей любовницей и провести у неё ночь.

Воронин удивлённо приподнял тяжелые веки. Серые глаза его были тусклыми, почти больными.

– С кем именно? У меня их много.

– С Дашей Грачёвой, – пояснил Семён Ильич. – Как она тебе, нравится?

– Не особенно, шеф, – честно признался Воронин. – По своей воле ни за что не стал бы с ней встречаться.

– Почему же? – Уссер даже отвесил челюсть. – Знойная девушка, изящная, как лоза! И молоденькая – ещё семнадцати нет... Или как раз неопытная юность мешает?

– В её случае никакой опыт не нужен – всё заложено от природы, – со знанием дела ответил Воронин. Он потряс пустую банку из-под кока-колы, а потом налил себе воды. – Она вообще-то на любителя. Таких называют ненасытными. Её не нужно завоёвывать, даже в шутку, как других. Дарья всегда готова отдаться – хоть посреди Невского. Лично мне противна такая животная страсть. Если Дарья теряет человеческий облик сейчас, то в какую же маньчку она превратится потом? Такие женщины незаменимы для импотентов, которые уже не в состоянии никого возбудить. А эта заводится с полуобъятия. Она ведь целка была, когда я её впервые трахнул. А вела себя, как последняя шлюха. Ни стыда, ни страха – я даже сам чуть не лопухнулся. Думал – девушка, уговаривать придётся, да ещё ничего не выйдет. Не успел брюки расстегнуть, а она уже голая стоит... Впрочем, – подвёл итог Воронин, – я всегда исполню ваш приказ. Мне за это деньги платят.

Уссер, закинув ногу на ногу, с сальной улыбкой слушал Игоря и вспоминал, как полгода назад они встретились. «Авторитет» переманил к себе одного из самых крутых рэкетиоров с Невского, мастера спорта по боксу, знающего толк и в русском рукопашном бое. Игорь был бригадиром, время от времени проверяющим работу рядовых бойцов.

Семён Ильич заметил его в марте, прогуливаясь мимо развешанных на ограде у «Каткиного сада» картин вольных художников. Тогда же и обратил внимание на рослого красавца, который подрулил к тротуару на серой «Волге». Воронин явился напомнить зарвавшимся неплательщикам о том, что жизнь у всех одна.

Уссер прервал сакраментальное выяснение отношений и предложил Игорю куда более приятную, совсем не пыльную работёнку – подсадного любовника. Воронин, посоветовавшись со своим паханом, стоявшим на иерархической лестнице куда ниже Уссера, согласился. Разумеется, пришлось передать хозяину солидную сумму в качестве выкупа. С тех пор Воронин служил Уссеру верой и правдой, и ни разу не пожалел о своём решении.

Две недели назад, когда после августовских событий все стояли на ушах, Семён Ильич поручил Игорю очень ответственную миссию – соблазнить младшую сестру Всеволода Грачёва, заместителя начальника того самого отдела, которым раньше командовал Захар Горбовский. А сейчас, когда новый шеф, Геннадий Петренко, уехал в заграничную командировку, Всеволод исполнял его обязанности. Стало быть, информация об эшелоне мимо него пройти никак не могла.

Грачёв должен был встретиться с Озирским ночью или ранним утром, потому что такое дело не терпело отлагательств. Андрей в последнее время часто навешал квартиру Всеволода на Кировском проспекте, и сегодня тоже должен был непременно появиться там. Но прежде ему нужно было встретиться с агентом. Для того чтобы узнать на сей счёт как можно больше. Уссер и поставил на ноги весь свой личный состав.

– Я слышал, что её папаша объездил всех баб на Литейном, да и в других местах отметился тоже. Настоящий, блин, Казанова, хоть и герой Великой Отечественной войны! – вспомнил Али Мамедов. – Как говорится, яблочко всё в яблоньку. Ты уж потерпи, дружок, сделай всё, как ей надо. А шеф тебя вознаградит, и найдёшь себе нормальную «тёлку». Расслабишься, душой и телом отдохнёшь...

Али между делом щёлкал кнопками прибора, похожего на маленький плеер, а потом присоединил к нему наушники.

– Надеюсь, – вздохнул Воронин. – А что я должен делать? Ну, кроме того самого?

Мамедов протянул ему приёмник, взглянул на Уссера. Тот опустил веки, доверяя молодому другу провести инструктаж.

Али мимолётно улыбнулся:

– Видишь, Игорь? Машинка ничем не отличается от японского плеера. На самом же деле это самое на данный момент совершенное подслушивающее устройство, тоже японское. Привет от покойного Валентина Додонова. Спальня Даши, ты говорил, граничит с комнатой её брата? Или я что-то путаю?

– Не путаете, это действительно так.

– И тахта твоей возлюбленной стоит как раз около общей стены? – продолжал Мамедов вкрадчивым голосом.

– Да, но у Грачёва в комнате я не бывал. Они не в столь хороших отношениях с сестрой, чтобы она меня ему представляла.

– Боже упаси! – испугался Уссер. – Этого как раз не нужно. А что, они ругаются меж собой?

– Сам я не слышал, но похоже на это. Дарья говорила, что братеньник её всегда был не сахар. А уж когда стал замом начальника отдела, вообще с катушек полетел. На домашних шипит, весь смурной шляется. Дарья мечтает, чтобы он поскорее свалил к своей марьяне в Купчино. Лилия её, вроде, звать. Кажется, хотят брачеваться. Когда Севка дома, Дарья прямо-таки задыхается. Она очень боится, что братец меня у неё обнаружит и на месте пристрелит...

– Ого! – восхищённо сказал Мамедов. – Ничего себе! Он что, способен на такое? Прямо в своём доме?

– Дарья уверена, что он бешеный, и способен на всё. Так что я реально рискую. – Воронин явно набивался на премию.

– Ну и деточки у Михал Иваныча, один другого краше, – покачал головой Уссер. – Он тоже бешеный был, мочил, как на фронте. И припадки его колотили частенько. Ты уж, Игорёк, как-нибудь там поосторожнее. Прoberись незамеченным – мне афганистаны не нужны, особенно этой ночью. Возможно, что ничего особенно и не случится, но всё-таки... Алик, продолжай. – Уссер зевнул. – Что-то мне спать хочется. Устал сегодня...

– Ты там особенно не вырубайся, возьми себя в руки. – Мамедов надел наушники и вдруг счастливо, ослепительно улыбнулся. – Вот это техника! Слава человеческому гению... Я, представьте себе, слышу, о чём беседуют два алкаша в подворотне. Один другому не отдаёт одолженный червонец, и, кажется, назревает драка. А это ведь гораздо дальше, чем просто за стеной. Порядок, Игорь! Акустика превосходная – я даже не ожидал. Думал, что сказки рассказывают. Значит так, берёшь машинку в постель. Время от времени будешь прослушивать соседнюю комнату – особенно если туда кто-то пожалует. Мощность можешь убавить, а то шумы улицы будут помехой. Дарье скажешь, что привык в это время слушать музыку. Тщательнейшим образом запоминай всё, что там услышишь. Как только сможешь, сразу же уходи оттуда и докладывай мне о результатах. Семён Ильич нуждается в отдыхе, но в любом случае я ему сообщу. Поскольку задание крайне ответственное, с Дарьей ничего не пей. Сошлись на спортивный режим. У неё дома, надеюсь, никто не догадывается о твоём существовании?

– Думаю, что никто, – уверенно ответил Воронин. – Она всегда приводит меня в свою комнату поздно вечером. Мамаша считает свою доченьку скромницей, и сама – великая ханжа. Бабке вообще всё до фени. Вот только брата я опасаясь, но он появляется вечером или ночью, а рано утром опять уезжает. Мы с ним, по счастью, всегда разминаемся.

– Ладно, кончаем пролог, начинаем первое действие! – скомандовал Мамедов. – Сейчас же найти Дарью, упади ей в ноги, изобрази бешеную страсть. Делай, что хочешь, лишь бы сегодня попасть к ней в постель. И непременно в квартиру, иначе смысла нет! Где девушка сейчас, ты знаешь?

– Думаю, что в кафе «Бродячая собака». Для училища-то уже поздно.

– Что это ещё за кафе такое? – заинтересовался Уссер.

– У Малого оперного театра. Там собирается молодёжь – непризнанные гении, – пояснил Али Мамедов, плеснув себе коньяк на донышко бокала. – А Даша что в нём забыла? Вроде, в «Собаке» тусуются литераторы...

– Она показывала там свои статейки по искусствоведению. Кроме того, имеет там друзей-приятелей. Дома Дарье скучно, а в кафе она, как рыба в воде.

– Ясно. – Мамедов выпил коньяк и поднялся с кресла и передал Воронину приёмник. – Игорь, пойдём, я тебя провожу. – Спрячь подальше – вещь бесценная. Постарайся побыстрее вернуться – ещё будешь нужен. Ни в какие разборки с Грачёвым не ввязывайся – можешь всё испортить Живее спроворь дело, будь другом. Как говорится, в Израиль – и обратно. – Мамедов ударил Воронина ладонью по плечу, подмигнул ему и закрыл дверь.

Когда Али вернулся в комнату, Уссер курил сигару, глядя в окно. Он услышал шаги и заговорил, даже не обернувшись.

– Может быть, к Грачёву приедет не Озирский, а кто-то другой. Да и с Андреем, вполне вероятно, встретится не тот, кто выведал информацию. – Семён Ильич позвякал брелоком с ключами от сейфа, надетым на палец. – Но вряд ли у них что-то получится без чертежа. Ничего, Алик, если вы будем иметь хоть одного человечка из агентуры. В итоге он попадётся к нам в руки. Через некоторое время, если у Воронина всё сложится, мы возьмём в оборот посвящённое лицо и постараемся сделать его разговорчивым. Когда возвращается Татарин?

– Двадцать первого. Семён Ильич. – Глаза Мамедова опять подёрнулись поволокой.

– Вот и отлично! Дадим ему в помощь своих ребят, которые крови не боятся, и пусть они занимаются агентом. Ну что, доктор Мамедов, устали, небось? – хитро подмигнул Уссер.

– Да, день был тяжёлый, – не стал отрицать Али.

Он потянулся, с наслаждением разминая плечи т торс. В это время в комнату вихрем ворвался кудрявый темноглазый мальчик лет семи. Бойко топая ножками, он накинута на Семёна Ильича и ткнулся губами в его щёку. Следом за ним не спеша вошла высокая, стройная женщина с лицом Мадонны, одетая в очень красивый пеньюар – изумрудно-бирюзовый с лебединой опушкой по рукавам и вороту. В ушах женщины мягко светились крупные дымчатые жемчужины.

– Оскарчик выполняет ежевечерний ритуал – желает бабушке спокойной ночи и целует его...

Женщина, не стесняясь ни Уссера, ни мальчика, обвила руками шею Мамедова и прижалась к нему грудью. В высокой причёске красавицы переливались крохотные стразы, а тело трепетало под тонким атласом.

– Али, пойдём в спальню? Я по тебе соскучилась!

Она обернулась к Уссеру, который играл с прехорошеньким мальчиком. Дядя, понимая глядя на племянницу, всё-таки остановил её.

– Нора, подожди немного, нам нужно закончить разговор. А потом он будет весь твой. – Уссер бережно спустил мальчика с рук. – Иди, внучек, не шали, маму слушайся. Если будешь умницей, бабушка сделает тебе ко дню рождения шикарный подарок!

– Какой подарок? – встрепенулся ребёнок. – Бабушка, ну скажи!

Он запрыгал на одной ножке вокруг кресла Уссера. Нора поймала его и увела спать, но сама в это время ласкала взглядом Али.

– Что же это за подарок, сынок, если ты за три недели будешь знать?

Нора продолжала увещевать ноющего сыночка уже в коридоре. Уссер, продолжая потечески улыбаться, посмотрел на Мамедова новым, родственным взглядом.

– Любит тебя племянница... А с мужем у неё так и склеилось. На Элеонору трудно угодить, так что поздравляю. Может быть, вскорости я вас и благословлю. Станем одной семьёй, соединим капиталы. Меня интересует твоя богатая нефтью родина. Тебя, надеюсь, привлекает возможность развернуться в Питере. Между прочим, Нора уже закидывала удочку насчёт свадьбы. Ты с прежней женой развёлся, Али?

– Ещё в прошлом году, – пожал плечами Мамедов. – Гульнара подала сама, я не настаивал. – Он взял с кресла свой белый пиджак, закинул его за плечо. – Её отец, человек советской формации, терпеть меня не может. С сыном видаться не разрешает. Ренату уже два с половиной года, а я помню его только новорождённым...

– Ничего, Али, мой внук станет твоим сыном. Даст Бог, и общего родите с Норой, моего и твоего наследника. – Семён Ильич потушил сигару, тоже плеснул в пузатый бокал французский коньяк. – Альберт Келль, её бывший, не к ночи будь помянут, как соплей был, так и остался. И Оскар, вижу, характером весь в него, хотя лицом похож на Нору. Не удержит дела, уже сейчас понятно. А вот ваш сын достойно заменил бы меня. Слунтьем ему быть не в кого. Вы оба – железные люди. Не переругайтесь только, умоляю! Ладно, Али, иди, ублажай Нору. А завтра с утра возмёшь охрану и съездишь за гонораром. Митя обещал задаток...

– За что? – удивился Мамедов.

– Али, ну не бесплатно же я стану выявлять человека, который слил автобусы! – Уссер весело развёл руками.

– Простите, шеф, я – осёл, – самокритично сказал Мамедов.

– Вот уж нет! – азартно возразил Уссер. Потом он моментально обмяк и слабо махнул рукой. – Иди спать, сынок. Завтра ты мне нужен свеженьким.

Али застыл у двери, не веря своим ушам. До этого Семён Ильич никогда его так не называл...

* * *

– Останови! – Филипп тронул за плечо Шарифуллина, резервного водителя, которого взял на сегодня вместо Тима.

«БМВ» подкатил к поребрику на чётной стороне проспекта Смирнова и плавно затормозил.

– Свободны. Давайте-ка по домам! – скомандовал Обер, и его телохранители молча выбрались из машины.

Из кинотеатра «Максим» как раз выходила публика – закончился последний сеанс. Водителя Филипп пока не отпускал, несмотря на то, что очень хотел это сделать. Хотя один человек должен был видеть, что с «третьей квартиры» Обер направился именно к себе домой, за город, и никуда больше. Кроме того, Шарифуллин оставил в Песочном свою личную «восьмёрку».

Шофёр снова дал газ и повёл «БМВ» к проспекту Энгельса. Филипп любил именно эти мгновения, когда его сверкающий лимузин быстро и вместе с тем плавно набирал скорость. Широкая трёхрядная магистраль, обсаженная деревьями и кустами шиповника, была застроена «хрущёвками» и кирпичными «точками». В самом её конце, у железной дороги, стояли кооперативные «коробки» в двенадцать этажей.

Проспект слабо освещался редкими фонарями. Из-за пасмурной погоды стемнело очень быстро, и сейчас тучи плотно заволокли небо. В двух шагах на тротуарах ничего не было видно, и лишь белели вдалеке стволы берёзок. Мерцали по обеим сторонам проспекта стёкла магазинных витрин, в которых давно уже не было никакого товара. В стороне Ланской улицы и Удельного парка шумели ещё летней листвой деревья. Проспект Смирнова сейчас не был загазован, как обычно. И Филипп, закуривая при опущенном ветровом стекле, ощутил близость загородной зоны. На Омской улице заливисто лаяли два пса, носившиеся между опорами линии электропередач.

Схема пока ещё держалась в памяти, но Обер боялся, что ему повредит выпитый у Уссера коньяк. Как оказалось, боялся зря – голова давно не была такой ясной. Можно было уже начинать чертить в блокноте, благо водитель вряд ли мог что-то понять в полутьме салона. Но всё-таки Филипп счёл необходимым проявить осторожность и отложить это дело до дома.

Дорога в Песочный выглядела сейчас необыкновенно длинной и однообразной. При свете здесь горбились крутые холмы, зияли распадки – будто не Питер был рядом, а, по крайней мере, Москва. За окружной железной дорогой к шоссе вплотную подобрался Шуваловский парк. По другую сторону магистрали светились окошки деревянных домиков в палисадниках. Филипп любил ездить мимо Суздальских озёр, и даже сейчас почувствовал, что вода рядом. Он сумел заметить блики фонарей на поверхности, а потом берега скрылись за заборами. Было очень тихо, даже на шоссе. И потому ясно слышался перестук колёс поезда, идущего далеко, за озёрами.

Филипп включил подсветку на часах – было ровно одиннадцать. Он посидел немного с закрытыми глазами, стараясь как можно яснее представить себе схему. А когда поднял веки, то увидел, что автомобиль уже в Левашово. Вот этот брошенный, древний «Запорожец», разутый и ржавый, стоит тут уже очень долго. А рядом – дом, тоже хрен какого лохматого года рождения, похожий на сказочный терем. Осталось немного, и вскоре можно будет перенести схему на бумагу.

Тогда возникнет другая проблема – как передать Озирскому последние новости. Самое главное, нужно предупредить его о возможной слежке, вернее, охоте. В любом случае. Андрей должен знать о планах Уссера и прочих. Пусть будет внимательнее, не ведётся ни на какие про-

вокации. Конечно, он выкрутиться сумеет – не в таких заварушках побывал. Но Уссер может сыграть на его азартности, лихачестве, благородстве, а сейчас рисковать нельзя ни в коем случае.

«БМВ» свернул с асфальта на песчаную дорогу и подкатил к воротам усадьбы Готтхильфа, подпрыгивая на корнях растущих здесь сосен. За забором, которым Филипп обнёс свои обширные владения, начинался еловый лес; сейчас здесь сильно пахло хвоей. Этот горьковатый, свежий аромат вместе с дымком далёкого костра, точкой светящегося среди стволов яблонь, теперь был связан в сознании Филиппа со словом «дом». Его первый дом за сорок два года жизни казался самым лучшим из тех, что повидал в разных краях Обер. ЕГО земля, ЕГО постройки, ЕГО куры, кролики, корова, собаки, кошки, огород! Как давно Филипп хотел иметь всё это, и как трудно осуществлялись его такие простые, понятные мечты...

Над высоким крыльцом дома горел фонарь, освещая чистые дощатые ступени. По верху забора была пропущена колючая проволока под током, но Филипп сейчас её не видел. Водитель просигналил, и Магдалина открыла воротца. Девочка была в стареньких джинсах, в ватнике, с распущенными золотыми волосами. Она заметно выросла, окрепла и посвежела за тот год, что прожила здесь, на вольном воздухе. Отец и дочка ударили друг друга по рукам – огни всегда так приветствовали друг друга. Потом Филипп покосился на будку, где обычно в это время дежурил его двоюродный брат.

– Тим не возвращался?

– Нет! – Магда встревоженно смотрела на отца. – Мама звонила в Сестрорецк, в больницу...

– Значит, Татьяна сейчас в больнице? – переспросил Филипп. Потом он заметил переминающегося с ноги на ногу Шарифуллина. Водитель очень испугался, что его заставят ехать туда, да ещё забудут заплатить сверхурочные. – Всё, свободен. Спокойной ночи.

Обрадованный водила уселся в свою красную «восьмёрку», немного повозился внутри при работающем моторе. Потом он включил фары и выехал со двора. Обер молчал, прислушиваясь к стихающему звуку мотора. Магда кусала губы, накручивая на указательный палец прядку тонких душистых волос.

– Да, тётя Таня в больнице – её сразу же увезли в реанимацию. Маме сказали, что она и сейчас в очень плохом состоянии. Они с мужиками на заводе развели какой-то паршивый спирт и выпили. Один из той компании уже умер, а другой ослеп. Тётя Таня тоже ничего не видит. Она только дяде Тиму успела сказать, что сначала перед глазами будто бы мухи залетали, потом снег пошёл. А теперь всё белое, и ничего не различить. Ещё жалуется, что печень очень болит. Мама вся в панике, не знает, что и думать. Это ведь какая-то отравка, да, папка? – Магда смотрела на Филиппа с надеждой, ожидая, что он всё расставит по местам, наведёт порядок.

– Да метанолу они накатались! – сквозь зубы объяснил Филипп. – Это – древесный спирт, страшный яд. Генка там, в Сестрорецке?

– Да, у своей бабушки. Завтра в школу его везти не надо.

Готтхильф сплюнул, затёр это место подошвой и полез за сигаретами. Пальцем выбив одну штучку из пачки «Атлантика», он щёлкнул зажигалкой и сел на скамейку около крыльца. Двоих детей, что жили в усадьбе, Магдалину и Генриха, кто-нибудь из взрослых каждое утро развозил по школам. Обычно это был Тим, но завтра из-за известных обстоятельств, Филипп должен был его заменить. Одиннадцатилетнего племянника нужно было забросить в Сестрорецк, дочку – на Гражданку, откуда она никак не желала переводиться. Жить у бабушки, Ютты Куртовны, Магда тоже не хотела, потому что влюбилась в эту усадьбу с живностью и огородом. Потому и приходилось ей рано вставать, завтракать в пути, а потом готовить уроки в промежутках между чисткой хлева и заготовкой дров для печек и камина.

– Уже хорошо, – заметил Готтхильф. – Значит, повезу только тебя. Мать спит?

Он хотел как можно скорее скопировать схему, но перед этим нужно было вызвать Андрея. История с перепившейся невесткой, хоть и была трагичной, но оказалась как раз кстати. Филипп особенно не удивился – знал, что Танька Слесарева рано или поздно кончит именно этим. Хуже всего будет, если она выживет, но ослепнет окончательно. Тимке тогда вообще не будет жизни – придётся покинуть брата и переехать в Сестрорецк, потому что больную жену он никогда не бросит. Есть и другой вариант – взять Татьяну сюда, в усадьбу, но о таком страшно и подумать...

– Мама Ночку подоила, молоко процедила. Сказала, что пока отдохнёт. Вдруг потом придётся в больницу ехать? Тёте Тане-то всё хуже и хуже...

Ночкой звали их корову – чёрную, с белой звездой во лбу и в белых же чулках. Филипп купил её в совхозе за бесценок, после того, как её первого телёнка, бычка, отправили на мясокомбинат. Там, в загаженном бетонном стойле, корову вообще никак не называли. Когда же Ночка отъелась и похорошела, выяснилось, что она голландской, молочной породы. Об этом начисто позабыли алкаши-скотники, когда назначали Готтхильфу цену. Ладно, что забить корову не успели – теперь хозяйство Готтхильфов прямо-таки купалось в молоке. Филиппу пришлось купить и доильный аппарат, потому что слабые руки Регины не выдерживали такой нагрузки.

– Всё хуже и хуже... – повторил Филипп, глядя на рубиновый кончик своей сигареты. – Магда, ты не боишься сейчас выйти за ворота?

– Конечно, не боюсь, папка. А что? – Голубые глаза дочки казались прозрачными даже при скудном освещении. Она явно заинтересовалась и уселась рядом с Филиппом.

– Я тебе сейчас скажу номер телефона. Ты запомни его наизусть, нигде не записывай. Поняла?

– Естественно, поняла! И что дальше? Позвонить куда-то надо?

– Да, позвони. Я сам никак не могу.

Филипп ещё с минуту колебался, не зная, можно ли доверять дочери такую важную миссию; но другого выхода не было. На углу их улочки помещалась телефонная будка, и Филипп, во избежание неприятностей, решил отправить туда Магду. С ней же он решил выпустить двух овчарок, Андерру и Родрига, чтобы к девчонке никто не привязался. Собаки, впрочем, и так бегали там каждую ночь – стерегли будку от хулиганов. Принятые меры давали плоды – аппарат пока оставался целым, и местные жители были очень довольны.

С членами различных группировок Филипп связывался по рации или радиотелефону, но у простых смертных такой роскоши не водилось. В посёлке вообще со связью была беда, и потому этот автомат охраняли всем миром. Пользовались им и Регина с Магдой, потому что их друзья и знакомые не принадлежали к числу «хозяев жизни». Появление дочери в будке, особенно в свете последних событий, выглядело вполне естественно. Даже если люди Уссера следят за домом, это их не насторожит.

– Позвонишь по этому номеру и дождёшься ответа. Если к телефону подойдёт мужчина с низким голосом, позови Раису Ивановну. Запомни – только Раису Ивановну!

– А кто это такая? – испугалась Магда и отбросила волосы назад. – Я же не знаю! Что я ей скажу?

– Это не имеет значения. Тот человек должен быть в квартире один. Он ответит тебе, что ты ошиблась номером, и положит трубку. Ни с кем говорить не нужно, не волнуйся. Только не перепутай ничего. После того, как он отключится, можешь ещё кому-нибудь позвонить или просто подержать трубку у уха. Насчёт хулиганов не парься – с тобой будут собаки. Их уже всё равно пора выпускать. Всё запомнила?

– Конечно, всё! – Магда даже поперхнулась. – Как интересно? Это пароль, да?

Они говорили шёпотом, чтобы не было слышно из-за забора. Филипп похлопал дочку по плечу, подмигнул ей.

– Ладно, не задавай лишних вопросов. Эту историю долго рассказывать, да и времени мало. Если хочешь мне помочь, беги, быстро.

Потом Филипп, тоже шёпотом, дважды назвал номер телефона, отворил воротца. Следом за Магдой на тихую улочку бесшумными прыжками бросились две большущие немецкие овчарки. Кобель Родриг, кроме всего прочего, имел в жилах четверть волчьей крови.

Готтхильф взошёл на крыльцо, на ходу расстёгивая куртку, снял её и повесил на вешалку. Бессмысленное на первый взгляд поручение, данное дочери, имело ключевое значение для всей операции. Чтобы не рисковать при телефонных переговорах, они с Андреем разработали целую азбуку. Различные сочетания женских имён, которые следовало называть якобы по ошибке, обозначали ту или иную ситуацию. В зависимости от этого предпринимались и дальнейшие действия.

Филипп знал, что Андрей сейчас должен находиться в квартире на набережной Фонтанки, неподалёку от Невского. Там ещё не закончился ремонт, но телефон был давно установлен – ещё при прежних жильцах. Трёхкомнатную квартиру Озирский смог выменять на площадь, состоящую из жилья в Ульяновке и огромной комнаты Марии Георгиевны в коммуналке на Литейном. Разумеется, пришлось дать ещё и доплату, но дело того стоило.

Квартира оказалась отличная, и сейчас Андрей ночевал на раскладушке, в уже отделанной спальне. Мария Георгиевна с внуками жила на чемоданах, но не в Ульяновке, где уже хозяйничали другие люди, на улице Типанова, у своей мачехи.

Про этот адрес Семён Ильич Уссер пока ничего не знал, но Андрей не хотел подставлять под удар старушку, вдову своего деда. Дама в роговых очках, маленькая и высохшая, давно уже перестала сердиться на строптивую Манечку. Поскольку с Георгом Болеславовичем у неё детей не было, и с предыдущим супругом тоже, Муза Ипполитовна Озирская теперь самозабвенно возилась с неродными правнуками.

Думая о проклятушем эшелоне, который никак нельзя было пропускать, Филипп удалился в свой кабинет, зажёл настольную лампу, плотно задёрнул шторы. Потом достал лист бумаги, карандаш, линейку и принялся по памяти восстанавливать схему. Стало жарко, и пришлось сбросить сначала пиджак, потом – жилетку. Филипп молил Бога, чтобы не явилась Регина и не помешала ему. Но жена, умаявшись за день, крепко спала и ничего не слышала.

Раису Ивановну следовало звать. Если возникала необходимость немедленно явиться в Песочный, соблюдая повышенные меры предосторожности. Конкретику Обер оставил на усмотрение Озирского. О том, что двенадцатого сентября на «третьей квартире» Уссера состоится совещание, Андрей был поставлен в известность четыре дня назад и теперь с нетерпением ждал результатов. Филипп предупредил его, что этой ночью, возможно, придётся экстренно встретиться.

Проверяя уже готовый чертёж, Филипп подумал, что в него могли вкрасаться ошибки, но картину они существенно не меняли. Теперь следовало воспользоваться дочкиной готовальней, потому что передавать несколько раз исправленную схему на Литейный Готтхильф никак не мог. Он сходил в комнату Магды, взял готовальню и вернулся к себе.

Не успел он устроиться за столом, послышались лёгкие быстрые шаги, и Магда распахнула дверь.

– Папка, я позвонила!

– Тише, не кричи! Мать разбудишь. – Филипп закрыл за ней дверь. – Снимай ватник, тебе спать пора. Опять целый час придётся будить. Как всё прошло? Нормально?

– Да, порядок! – Глаза дочки сверкали, щёки алели от возбуждения. – Я позвонила, и действительно подошёл какой-то парень...

– Откуда ты знаешь, что это парень? – насторожился Готтхильф.

– Ну, мне так показалось. Слышно же по голосу, что молодой...

– Ты у меня прямо Шерлок Холмс! – улыбнулся Обер. – А дальше?

Девочка сбросила ватник, осталась в фиолетовом мохеровом джемпере.

– Дальше позвала Раису Ивановну. Парень этот ответил, что я, к сожалению, ошиблась номером. Я извинилась и повесила трубку. Потом ещё бабушке позвонила на Гражданку, сказала, как у нас дела...

– Боюсь, тёща теперь всю ночь спать не будет! – Филипп зевнул, прикрыв рот ладонью – Ничего, всё будет хорошо! – сказал он не столько дочери, сколько себе. – Спасибо, выручила своего папку! Только маме не говори ничего про это. Только разволнуется зря, а дело-то выведенного яйца не стоит. – Готтхильф имел в виду возможную ревность жены. – Как этот парень воспринял твои слова?

– Да акваланг ему всё! – ввернула модное словечко Магдалина. – Пофигист он, как я поняла. Говорит так, будто смеётся надо мной.

– А причём здесь акваланг? – удивился Филипп. Новый подростковый сленг он знал плохо.

– Это значит – всё равно, папка! – Магда была довольна, что уела всезнающего отца. – Кстати, я этот голос недавно где-то слышала. Он говорит чётко, правильно, как артист или диктор. Точно – он несколько раз звонил к нам на Руставели! – Вот тебе крест – не вру! – Девочка, сложив два пальца, перекрестилась по-лютерански. – Слушай, пап, а сюда он не приезжал?

– Приезжал. Ты могла и слышать, – признался Готтхильф. – Ладно, ангел мой, беги спать. Огромное тебе спасибо. Да, ещё меня интересует – он сразу подошёл?

– Нет, не сразу. Наверное, раз шесть пропищал, пока он отозвался. Я уже хотела трубку повесить и обратно идти, а тут он нашёлся. Пап, я вспомнила! – Магда, как заговорщица, придвинулась к отцу и зашептала одними губами. – Он сюда на вишнёвых «Жигулях» приезжал летом. Был в джинсовой рубашке...

– Я тебя умоляю, доченька, никому ни слова! – Готтхильф даже не знал, что Магда в тот раз следила за ними. – Генка видел его?

– Нет, я тогда одна была, в коровнике. А Генка на велике где-то катался. – Магда испугалась, увидев изменившееся лицо отца. – Я никому не скажу, обещаю! Ни Генке, ни маме, ни бабушке...

– Смотри – тебе же хуже будет! – припугнул девочку Готтхильф. – Это – наша тайна, и ты должна её хранить строго. Иначе нам с тобой крышка, понимаешь? Очень не хочу, чтобы беда в нашу семью пришла через тебя!

– Через меня не придёт! – Магда торжественно положила руку на сердце, потом ещё раз перекрестилась на распятие. – Пап, а сейчас в Сестрорецк не надо звонить?

– Нет. Чем мы там поможем? Может быть, утром придет Тим и всё расскажет. Допрыгалась тётя Таня, мать её растак! Зачем эту дрянь пила? Тим всегда мог ей хорошую водку достать!. – Готтхильф едва не выругался, но всё же сдержал себя. В присутствии дочери он всегда «сидел на диете».

– Пап, она очень тебя боится, – объяснила дочка. – Потому и к дяде Тиму лишний раз не приезжает.

Магда плотно прикрыла за собой двери. Вскоре её шаги послышались на лестнице, ведущей на мансарду. Там помещались две спальни – её и Генки Крафта. Сам Тим, как правило, ночевал в караулке, или уезжал в Сестрорецк к жене.

* * *

Филипп вспомнил, что не сказал Магде про готовальню. Девчонка хватится, станет искать. Но ничего, вроде, черчения завтра у неё нет, а потом вопрос решится. Он увидел, как свет из окошка дочери упал на кусты черноплодной рябины. Потом вернулся за стол, достал из

ящика лист плотной бумаги и принялся за работу. Дело спорилось, и вскоре готовый чертёж лежал на столе, под яркой лампой.

Проверяя правильность схемы, выискивая возможные неточности, Филипп нашарил сбоку пачку «Винстона» и зажигалку, закурил. Дым прочистил мозги, и морщины на лбу разгладились, возбуждение прошло. Но одной сигареты не хватило – пришлось зажечь от окурка вторую. Через некоторое время в чёрной мраморной пепельнице лежала уже горка «чинариков» – Филипп всё-таки мучился то ли страхом, то ли воспоминаниями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.